ДУХОВЪ ДЕНЬ 1862 ГОДА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

26 Мая 1862 года праздникъ Сошествія Св. Духа останется на всегда памятнымъ въ лѣтописи Петербурга по страшному, небывалому до толѣ въ столицѣ пожару Толкучаго, Щукина и Апраксина дворовъ.

Прошло безъ малаго полстолѣтія.... Много было за это время вписано въ исторію Россіи скорбныхъ страницъ: Русско-Турецкая война съ потерями на Шипкѣ, подъ Плевной и Горнымъ Дубнякомъ; злодѣйское цареубійство 1-го Марта, Японская война, Портъ-Артуръ, Мукденъ, Цусима; но всѣ они, при всей ихъ и важности, и значеніи не изгладили изъ памяти очевидцевъ-современниковъ леденящаго душу ужасомъ, невиданнаго, огромнаго пожара, который произвелъ и на меня, тогда еще ребенка, потрясающее впечатлѣніе.

Въ Духовъ день, въ Лѣтнемъ саду устраивалось ежегодно народное гулянье, съ обычными смотринами, выборомъ купеческихъ невѣстъ. Гостиннодворцы и Апраксинцы, въ длиннополыхъ застегнутыхъ на всѣ пуговицы сюртукахъ, въ высокихъ узкихъ цилиндрахъ, купеческія маменьки въ дорогихъ широкихъ платьяхъ, пестрыхъ Турецкихъ шаляхъ, заколотыхъ на груди большими брошками, въ шелковыхъ плотно прилегающихъ къ волосамъ наколкахъ, приводили на показъ женихамъ своихъ разнаряженныхъ дочекъ. Въ туго накрахмаленныхъ, пышныхъ кисейныхъ платьяхъ, съ цвѣтными шелковыми поясами, охватывающимися сзади широкими длинными концами, онѣ робко, опустивъ глаза, выступали впереди своихъ почтенныхъ родителей. Молодые купеческіе сынки и прикащики, при содѣйствіи родственницъ и услужливыхъ свахъ, заводили знакомство со старшими и несмѣло засматривались на свѣжія лица молодыхъ дѣвушекъ.

«Русскій Архивъ». 1911 г.

Большая любительница всякихъ гуляній и увеселеній, няня наша, съ утра 26-го Мая убѣдительно просила моихъ родителей отпустить насъ съ нею въ Лѣтній садъ. Изъ опасенія давки и толкотни рѣшено было прикомандировать къ ней горничную, которую тоже соблазнило это гулянье. Рѣшено было пораньше отобѣдать, чтобы въ 4 ч. выступить изъ дому *).

Помнится живо мнѣ, что гулянье было въ самомъ разгарѣ, когда мы черезъ чугунные ворота близь Цѣпнаго моста, попали вмѣстѣ съ громадной толпой на широкую среднюю аллею. Играло два оркестра военной музыки, пѣлъ хоръ полковыхъ пѣсенниковъ, раздавались звуки нѣсколькихъ шарманокъ; слышалась нестройная гармоника. Бойко, на разносныхъ лоткахъ, шла продажа подсолнуховъ, черныхъ и сѣрыхъ плитокъ мака на меду, паточныхъ леденцовъ въ цвѣтныхъ бумашкахъ (нынѣ вытѣсненныхъ дешевою карамелью съ причудливыми названіями) и сухихъ мелкихъ пряниковъ. На переносныхъ столикахъ предлагались проходящимъ моченыя груши съ острымъ, прянымъ запахомъ. Гулянье носило исключительно-демократическій характеръ; преобладающій элементъ составляли Апраксинскіе и гостинодворскіе прикащики, мелкіе продавцы, мастеровые и фабричные.

Къ памятнику дѣдушки Крылова, вокругъ котораго обыкновенно собирались дѣти для шумныхъ игръ, нельзя было близко подойти. Нельзя было не только найти свободное мѣсто на многочисленныхъ скамейкахъ, но даже медленно подвигаться впередъ, по аллеѣ. Было душно, пыльно..... Въ воздухѣ стоялъ шумъ, говоръ, сливавшійся въ одинъ общій гулъ. Съ трудомъ, по теченію, уносимыя толпою, дошли мы до воротъ, выходящихъ на набережную Невы и повернули обратно, какъ раздался въ толпѣ отчаянный крикъ: „пожаръ", который какъ эхо раскатился по всему саду. Налѣво, надъ Фонтанкой, по направленію къ Чернышеву мосту, показался столбъ густого, чернаго дыма, который съ неимовѣрной быстротой достигъ такихъ размѣровъ, что сразу заслонилъ солнце, то появлявшееся на небосклонѣ, то скрывавшееся за быстро двигавшимися облаками. „Горимъ, горимъ!", стономъ пронеслось въ толпѣ. „Толкучка, Щукинъ, Апраксинъ дворъ" слышалось въ народѣ.

Толпа разомъ хлынула къ выходу... Паника возникла невѣроятная. Слышались стоны.... раздавались отчаянные возгласы: караулъ.... да-

*) Мы жили въ домѣ барона Фридрихса, на углу Владимирской и Графскаго переулка.

вятъ.... грабятъ... помогите..... Никому не было дѣло до другихъ..... полиція и жандармы съ трудомъ выдерживали натискъ обезумѣвшей отъ страха толпы. Я крѣпко прижалась къ нянѣ и какъ то была отброшена вмѣстѣ съ нею на боковую дорожку, гдѣ можно было свободнѣе дышать. Горничная держала все время плакавшую отъ страха сестреньку на рукахъ.

Выйти на улицу нельзя было и помыслить. Благодаря порывистому, рѣзкому вѣтру пожаръ всё разгорался.... Непроницаемо-густымъ дымомъ былъ окутанъ весь горизонтъ. Сердце сжималось отъ ужаса.

Горѣло несомнѣнно вблизи нашей квартиры въ Чернышовомъ переулкѣ... Надо было, во что бы ни стало, спѣшить домой. За спиною какого-то рослаго мастерового въ синей блузѣ продвинулись и мы къ выходу. Городовые и жандармы плечомъ къ плечу составляли цѣпь. Ловкіе Петербургскіе жулики, пользуясь суматохою, умѣло залѣзали въ обывательскіе карманы, ловко срывали цѣпочки, часы. По набережной Фонтанки, близъ Инженернаго Замка, народъ бѣжалъ безъ оглядки... Многіе спотыкались, падали и, теряя шапки, продолжали бѣжать....

Не было видно ни одного извощика. Тѣ, которымъ удалось раньше, при первомъ крикѣ „пожаръ", выбѣжать изъ Лѣтняго сада, очевидно разобрали ихъ всѣхъ.

Я выбилась изъ силъ.... Мнѣ хотѣлось посидѣть хоть минутку на тумбѣ у тротуара, но нельзя сидѣть на улицѣ, когда горитъ совсѣмъ близко „и мама безпокоится", твердила няня взволнованнымъ голосомъ.

На Симіоновскомъ мосту совсѣмъ не было проходу. Появились встрѣчные извощики, ломовики, нагруженные мебелью и разнымъ скарбомъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе становилось мрачно, угарно, душно.... Упорный вѣтеръ ураганомъ поднималъ столбы пыли, которая засоряла глаза. Солнца видно не было.... Какъ гигантское чудовище разросталось на горизонтѣ зловѣщее зарево пожара... Кое-какъ добрались мы до Аничкова моста, до дома князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго и, свернувъ на Троицкую улицу, Графскимъ переулкомъ достигли, наконецъ, дома Фридрихса. Войти въ квартиру не пришлось. Блѣдная, растерянная, въ страшной тревогѣ за насъ, стояла на тротуарѣ у подъѣзда наша мать.

Оставаться въ городѣ въ нашей квартирѣ, которой угрожала опасность со стороны надворныхъ построекъ, прилегающихъ къ Щер-

бакову переулку, было немыслимо. Рѣшено было, что отецъ и дядя съ прислугой проведутъ ночь въ квартирѣ, изъ которой должно было быть увезено самое цѣнное: серебро, образа, документы и пр., что мать наша, оставивъ насъ дѣтей на попеченіи родныхъ, жившихъ на дачѣ въ Лѣсномъ, вернется завтра обратно въ городъ, чтобы перевезти въ безопасное мѣсто остальное имущество.

По знакомству, за большія деньги удалось найти па Ямской на извощичьей биржѣ у старообрядца Лукунова старую, маленькую двумѣстную карету, въ которой мы были уже поздно вечеромъ доставлены къ дядѣ, жившему съ семьей на дачѣ въ Лѣсномъ институтѣ.

Вещей было нагромождено такъ много, что я, сидя на большомъ мягкомъ узлѣ, упиралась головой въ крышу кареты. Маленькую сестру усадили на ящикѣ съ серебромъ значительно ниже.

Помнится мнѣ, несмотря на давность, что неисправныя дверцы кареты ежеминутно открывались и что бѣдной матери, почти стоя на колѣняхъ (сѣсть было негдѣ), приходилось все время держать то одной то другой рукой поломанныя дверныя ручки.

Ежеминутно по пути попадались цѣлые обозы мебели, ящиковъ съ товарами, извощиковъ легковыхъ съ пролетками, выше головы ихъ нагруженными пожитками обывателей, искавшихъ убѣжища въ болѣе безопасныхъ мѣстахъ на окраинахъ. Горѣло не только позади насъ, но и слѣва по направленію Васильевскаго острова и справа со стороны Песковъ.

Уже стемнѣло... Повѣяло прохладою... Мы выѣхали за городъ и подъ мѣрный стукъ колесъ, катившихся по гладкому шоссе, я такъ крѣпко заснула, что меня съ трудомъ разбудили у воротъ дачи, гдѣ, въ ожиданіи возвращенія господъ, собралась вся прислуга дяди.

Насъ быстро раздѣли и уложили въ кабинетѣ.

Но и во снѣ такъ ясно какъ на яву слышался мнѣ отчаянный крикъ „горимъ“ „горимъ“. Огромное зарево представлялось мнѣ какимъ-то громаднымъ дракономъ, страшнымъ чудовищемъ, которое, занявъ пол-неба, стремительно опустившись на землю, разрушало до основанія домъ, въ которомъ мы жили.

Никого изъ взрослыхъ, кромѣ прислуги, не оказалось на дачѣ, когда мы проснулись. Встревоженные относительно своей городской

квартиры (на углу Ивановской и Кабинетской) дядя и тётя вмѣстѣ съ нашей матерью уѣхали въ городъ. Изъ разсказовъ ихъ за обѣдомъ узнала я, что когда пожаръ Толкучаго рынка сталъ угрожать зданію Государственнаго банка, Петербурскій оберъ-полиціймейстеръ генералъ Анненковъ далъ о немъ знать Государю, въ Царское Село. Получивъ это извѣстіе, Императоръ Александръ II въ коляскѣ, уже въ 7 ч., прибылъ въ Петербургъ *). Кромѣ него на пожарѣ присутствовали братья его, Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ. Изъ Колпина, по Николаевской желѣзной дорогѣ, доставлена была самая большая изъ пожарныхъ трубъ, которая оказалась, къ сожалѣнію, не вполнѣ исправною.

Огонь, появившійся первоначально внутри Толкучаго рынка, охватившій сначала маленькія лавочки, балаганчики съ разной рухлядью (старыми вещами, подержанной мебелью, поношенной одеждой и разнымъ дешевымъ хламомъ), быстро перекинуло на огромные склады и кладовыя Апраксина двора. Трудно было пожарнымъ, при сильномъ, упорномъ вѣтрѣ, бороться съ огнемъ, который угрожалъ опасностью зданіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, министерства народнаго просвѣщенія и двухъ-этажному строенію Пажескаго корпуса, гдѣ подъ офицерскими квартирами помѣщался цѣлый рядъ москательныхъ лавокъ съ большимъ запасомъ горючаго матеріала: свѣчей, воска, масла, краски, олифы, лака и спирта. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, въ виду опасности, угрожавшей чудному историческому зданію, прибылъ въ Пажескій корпусъ и былъ свидѣтелемъ той неутомимой энергіи, которая проявлялась учебнымъ людомъ корпуса, камер-пажами, служителями, которые въ продолженіи цѣлой ночи съ 26 на 27 Мая отстаивали корпусныя постройки со стороны Чернышева переулка.

Вниманіе оберъ-полицмейстера и генералъ-губернатора князя Суворова было сосредоточено главнымъ образомъ на зданіи Государственнаго банка, со стороны фасада выходящаго на Садовую, куда испуганные, растерянные торговцы, грудами сваливали товаръ, который тутъ же загорался отъ сыпавшихся въ изобиліи искръ. Ворота были наглухо заперты, и зданія изъ опасенія грабежа оцѣплены нарядомъ войскъ, занимавшихъ караулы въ Петербургѣ. Ихъ оказалось недостаточно, и

*) Эти грозныя минуты описаны необыкновенно живо немногими чертами въ романѣ Писемскаго „Взбаламученное море“. Государь глядѣл на пожаръ въ квартирѣ Ламанскаго, въ зданіи Государственнаго банка, и, благодаря этому, Евгеній Ивановичъ Ламанскій получилъ высшее назначеніе. П. Б.

изъ Красносельскаго лагеря были спѣшно вызваны по телеграфу войсковыя части[1]).

Ночью было охвачено огнемъ зданіе Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Загорѣлся архивъ[2]). Сваленные въ груду объугленные журналы департамента, дѣла̀ и пр. документы разметавшіеся по улицѣ, вѣтромъ уносились въ Фонтанку. Какъ зловѣщія птицы кружились они въ воздухѣ и залетали далеко отъ мѣста пожарища. Отдѣльные листки, обрывки бумагъ находили на другой день на Загородномъ проспектѣ, на площади Владимирской церкви.

Прислуга наша такъ и просидѣла всю ночь на связанныхъ узлахъ. Отецъ и дядя до утра не смыкали глазъ. Въ дѣтской и кухнѣ, выходившихъ окнами на задній дворъ по направленію къ Щербакову переулку, было какъ днемъ свѣтло отъ яркаго зарева. Въ полуоткрытое окно доносился стукъ, трескъ, шумъ, сливавшійся въ одинъ глухой, тревожный леденящій ужасомъ душу, зловѣщій, стихійный гулъ....

Только черезъ полторы сутокъ, во Вторникъ 27-го Мая, къ ночи сталъ понемногу стихать пожаръ.

Для зданій Пажескаго корпуса, Государственнаго Банка, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а тѣмъ болѣе Публичной библіотеки опасность миновала, хотя и на слѣдующіе сутки продолжался пожаръ въ громадномъ четвероугольникѣ, граничащемъ Фонтанкой и Екатерининскимъ каналомъ, Чернышевымъ переулкомъ и Гороховой улицей.

Незначительные по своимъ размѣрамъ вспыхивали одновременно пожары и въ другихъ частяхъ города, принося существенный вредъ тѣмъ, что производили панику въ населеніи, въ его поискахъ безопасныхъ мѣстъ и отвлекали власти и пожарную команду отъ главнаго очага этого великаго народнаго бѣдствія, въ конецъ раззорившаго мелкихъ торговцевъ и нанесшаго громадные убытки.

Пожаръ Толкучаго рынка, угрожавшій опасностью Банку и Государственной казнѣ, Министерству Внутреннихъ дѣлъ, въ которыхъ хра-

---

[1]) Тутъ погибло множество важныхъ историческихъ бумагъ, въ ихъ числѣ бумаги по расколу и о Евреяхъ. Часть сихъ послѣднихъ бумагъ сохранилась, благодаря спискамъ, которые сдѣланы были передъ тѣмъ будущимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Д. А. Толстымъ, который, много позднѣе, доставилъ эти списки Макову (слышано отъ В. А. Кокорева). П. Б.

[2]) По распоряженію В. А. Кокорева, въ Волжско-Камскомъ банкѣ бумаги писались вдвойнѣ, и подлинники денежныхъ сдѣлокъ, какъ и книги счетныя, отвозились ежедневно на храненіе въ Петропавловскую крѣпость. П. Б.

нились неоконченныя работы по великой реформѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, министерству народнаго просвѣщенія, съ пересмотромъ всей прежней системы образованія и публичной библіотеки, приписывался отчасти Польской партіи и былъ отголоскомъ Польскаго мятежа, жестокаго управленія Западнымъ краемъ при графѣ М. Н. Муравьевѣ, отчасти неудовольствія, глухому партійному ропоту противъ твердыхъ, рѣшительныхъ реформъ и преобразованій во всемъ государственномъ строѣ второй половины XIX вѣка.

Петербургъ былъ объявленъ на военномъ положеніи. Произведено много обысковъ, арестовъ. По городу днемъ и ночью разъѣзжали патрули, и когда мы 31-го Мая вернулись съ дачи, меня поразила происшедшая въ городѣ перемѣна. Улицы показались мнѣ опустѣвшими, безлюдными, унылыми. Парадные подъѣзды бдительно охранялись швейцарами, всѣ ворота даже днемъ были заперты; открытыми оставались только калитки, возлѣ которыхъ безсмѣнно дежурили дворники. Даже днемъ нельзя было со двора выйти или войти въ него, мало знакомому человѣку: прачкѣ съ бѣльемъ, лавочнику, мальчишкѣ съ корзиной провизіи; необходимо было прислугѣ квартирантовъ сопровождать ихъ до калитки. Съ наступленіемъ сумерокъ калитки эти наглухо запирались большимъ ключомъ, хранившимся въ карманѣ дежурнаго дворника.

Такія строгія мѣры вызваны были расклейкою на обывательскихъ воротахъ, заборахъ и дверяхъ угрожающихъ прокламацій, разбрасываньемъ на дворахъ, лѣстницахъ и подъѣздахъ подметныхъ писемъ.

Много въ столицѣ разпространено было ложныхъ нелѣпыхъ слуховъ, что Петербургу угрожаетъ конечная гибель, что огнемъ до тла будутъ уничтожены всѣ правительственныя учрежденія, всѣ казенныя зданія, что уничтожены будутъ огнемъ и всѣ лавки и магазины. Говорили, что мѣстнымъ складамъ угрожаетъ неминуемая опасность отъ бѣдно одѣтыхъ старухъ, которыя проводятъ черту на заборахъ, смоченною какимъ-то составомъ тряпкою: стòитъ солнцу немного пригрѣть заборъ, какъ онъ сразу загорается, и пламя мгновенно охватываетъ весь запасъ лѣснаго матеріала, и мгновенно загораются дровяные дворы по набережной Лиговки, Фонтанки и Обводнаго канала. Говорили, что мальчишки, проходя на задніе дворы, съ холщевымъ мѣшкомъ тряпичника, разгребая будто бы кости для заводовъ, бумагу и тряпье для фабрикъ, бросали что-то удобовоспламеняющееся въ груду мусора, отъ чего превращались въ огромные костры помойныя ямы, толковали о томъ, что какіе-то подростки такъ ловко забрасывали какіе-то окурки въ маленькіе окошки подвальнаго этажа, служившаго

складомъ дровъ для квартирантовъ, что они разгорались мгновенно, и пламя, охвативъ полы и потолки, пожирало съ необычайной быстротой внутренность большихъ пятиэтажныхъ домовъ.

И всѣмъ этимъ, какъ и другимъ такимъ же невѣроятнымъ толкамъ и слухамъ, ходившимъ въ народѣ, довѣряло испуганное населеніе столицы, преувеличивая убытки, понесенные обывателями отъ разрушительнаго дѣйствія огня, отъ порчи водой, отъ кражъ и грабежа.

Мало по малу стало наступать успокоеніе и, благодаря распорядительности С.-Петербурскаго оберъ-полицмейстера, пожары къ Августу совершенно прекратились.

Прошло безъ малаго 50 лѣтъ...... За это время до неузнаваемости красиво, богато отстроились магазины соперничающей съ Гостинымъ дворомъ Маріинской линіи (прежняго Апраксина двора, славившагося назойливымъ зазываньемъ прохожихъ, въ лавки готоваго платья).

Въ памяти немногихъ старожилъ сохранилось воспоминаніе о жалкихъ, убогихъ маленькихъ лавочкахъ (будкахъ), въ которыхъ въ началѣ минувшаго вѣка шла бойкая, доставлявшая средство къ существованію бѣднякамъ-старьевщикамъ торговля всякимъ подержаннымъ, дешевымъ хламомъ. Отошли въ область преданья смотрины купеческихъ невѣстъ въ Лѣтнемъ саду на Духовъ день, и невѣроятными, нелѣпыми представляются разсказы о бѣдно-одѣтыхъ старухахъ, которымъ такъ легко было обращать лѣсные дворы въ груды пепла и золы, и мальчишекъ, тѣхъ опасныхъ поджигателей, которымъ сразу удавалось предавать разрушительному дѣйствію огня каменные, пяти-этажные домà.

Марина Бардакова.